

Виньетка I. Свундеса из книги Н. Остолопова «Правила Поэзии».

PUSCHKINIANA.

Комната Пушкина на Царскосельской юбилейной выставкѣ, открытой 10 Августа помѣщается въ одномъ изъ четырехъ верхнихъ крыльевъ Эрмитажа. Мысль отвести специальные отдѣлы на выставкѣ знаменитымъ царскоселамъ, сама по себѣ несомнѣнно очень удачна, и выбранное для этой цѣли зданіе Эрмитажа, также, какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ своему назначенію. Въ частности, имя, Пушкина неразрывно связано съ Царскимъ Селомъ, здѣсь подъ тѣнью столѣтнихъ деревьевъ, среди художественныхъ памятниковъ предшествовавшаго великаго царствованія выросъ и окрѣпъ геній нашего великаго поэта, здѣсь возникли первыя проявленія его творческой дѣятельности.

Въ 1-й комнатѣ выставлены портреты, между которыми интересна литографія воспроизводимая въ настоящемъ № „Библиофила“, акварельное родословное древо, старые акварельные виды Лицея, дѣло изъ архива Лицея 1814 года „о проступкѣ воспитанника Пушкина“ съ надписью „конфиденціально“, 2 рисунка (собака и парень съ бочкой) и др. бумаги относящіяся къ болѣе раннему періоду. Въ особой витринѣ рукописи и рисунки воспитанниковъ лицея времени поэта Тутъ и Уставъ Общества Лицейскихъ Друзей Прекраснаго 1821 г., и рукописный журналъ, издававшійся воспитанниками въ 1820 г., съ акварельными рисунками къ статьѣ Волшебный Фонарь; тутъ и отдѣльныя карикатуры на Кюхельбекера и др., иногда рисованныя Пушкинымъ.

Во 2-й комнатѣ выставлены лицейскія стихотворенія поэта частью въ оригиналахъ, частью въ фотографическихъ снимкахъ.

Изъ книгъ интересенъ экземпляръ „Евгенія Онѣгина“ принадлежавшій императору Александру I и подаренный Лицею имп. Николаемъ Первымъ; экземпляръ *Virgilia* (Парижъ 1814 г.), принадлежавшій поэту и нѣк. др. Пушкинскій музей Лицея далъ, кромѣ того нѣсколько рѣдкихъ нотъ на стихи Пушкина въ иллюстрированныхъ обложкахъ.

Въ центрѣ помѣщается новый бюстъ поэта, работы скульпторши Вѣры Федоровны Штейнъ, отлитый изъ бронзы и весьма удачно исполненный по гравюрѣ Гейтмана, изображающей Пушкина въ молодости. Бюстъ принадлежитъ также Пушкинскому Музею Лицея

Отдѣлъ этотъ носить название: „Пушкинъ въ Царскомъ Селѣ“ и очень охотно посѣщается публикой; имя великаго поэта магнитомъ притягиваетъ къ себѣ посѣтителей, и маленькая комната съ трудомъ вмѣщаетъ въ себѣ всѣхъ желающихъ поближе посмотрѣть то, что относится къ его незабвенной памяти.

Высочайше утвержденнымъ 27 Апрѣля 1911 года, положеніемъ совѣта министровъ постановлено о приобрѣтеніи бывшаго имѣнія А. С. Пушкина при селѣ Болдино въ казну за 30 т. р. и объ устройствѣ въ усадьбѣ сего имѣнія библиотечки-читальни.

Въ Академію Наукъ передано изъ министерства финансовъ дѣло „о выдачѣ по Высочайшему повелѣнію камеръ-юнкеру Пушкину въ ссуду на 2 года 20 т. рублей“.

И. Е. Гѣпинъ закончилъ картину написанную имъ по предложенію Пушкинскаго Лицейскаго Общества на тему: Пушкинъ читаетъ „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“ на лицейскомъ экзаменѣ въ присутствіи Державина. Картина поступитъ въ Пушкинскій Музей лица ко дню столѣтняго юбилея послѣдняго.

Скульпторша Вѣра Федоровна Штейнъ недавно закончила бюстъ Пушкина, исполненный ею для Пушкинскаго Музея Имп. Александр. Лицея по извѣстной гравюрѣ Е. Гейтмана, современной поэту и изображающей его въ молодости. Бюстъ только что отлитъ изъ бронзы и находится пока на Царскосельской выставкѣ. Скульпторша чрезвычайно удачно передала сходство выраженія, придерживаясь при этомъ точно копируемаго образца.

Въ новомъ томѣ „Пушкинъ и его современники“ помѣщены письма Н. О. и С. Л. Пушкина къ ихъ дочери; статья Н. О. Лернера „Ранняя любовь“, полемика М. О. Гершензона и П. Е. Щеголева и Puschkiniana за 1908—1909 г. покойнаго П. А. Дилакторскаго.

Томъ третій переписки А. С. Пушкина подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова, содержитъ 476 писемъ за время 1833—1834 г.

Печатается новое изданіе А. С. Суворина: А. Пушкинъ, Каменный гость съ рис. художника Плошинскаго.

Товарищество „Голике и Вильборгъ“ выпускаетъ роскошное изданіе „Пиковая дама“ Пушкина, съ рисунками Алекс. Бенуа и вступительной статьею Н. Лернера.

Вышелъ пятый томъ капитальнаго изданія сочиненій Пушкина, редактируемаго С. А. Венгеровымъ. Въ него вошли прозаическія произведенія 1830-1836 г.г., автобіографическія замѣтки, програмныя наброски, дневникъ въ болѣе полномъ и исправномъ видѣ, чѣмъ въ прежнихъ изданіяхъ, и письма 1815-1825 г.г. Комментарій состоитъ изъ статей М. О. Гершензона „Пушкинъ и Нашокинъ“, Будде „О поэтическомъ языкѣ Пушкина“, П. Н. Сакулина „Взглядъ Пушкина на современную ему французскую литературу“, А. Г. Фомина „Пушкинъ и журнальный триумвиратъ 30-хъ годовъ“ и примѣчаній къ помѣщеннымъ въ предыдущихъ томахъ стихотвореніямъ, написанныхъ Н. О. Лернеромъ (къ 1828-1829 г.г.) и П. О. Морозовымъ (къ 1830 г.) Весьма интересны и, конечно, будутъ приняты во вниманіе во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ Пушкина замѣчанія Лернера о текстѣ „Собранія насѣкомыхъ“, о хронологіи пьесъ: „Е. Н. У — вой“, „Примѣты“, „Поэтъ-игрокъ“... „Воспоминанья въ Царскомъ Селѣ“, имъ же впервые введены въ собраніе сочиненій Пушкина „Эпиграмма“ на М. А. Бестужева-Рюмина и написанная вмѣстѣ съ Е. А. Баратынскимъ эпиграмма на князя Шаликова. Томъ обильно иллюстрированъ.

Около Новаго года выйдетъ III томъ академическаго изданія сочиненій Пушкина, результатъ работъ пушкинской комиссіи, существующей уже одиннадцать лѣтъ. За это время комиссія, не дешево обошедшаяся казнѣ, успѣла выпустить пока лишь одинъ томъ, второй. Правда, комиссія собиралась обыкновенно по три-четыре раза въ году, а въ иные годы не была созываема ни разу.

Осенью текущаго года начнется изданіе Академіей Наукъ десяти томнаго изданія собраній сочиненій А. С. Пушкина, первые восемь томовъ подъ редакціей Щеголева, послѣдніе два (переписка) подъ редакціей И. А. Кубасова и Б. Л. Молдавскаго.

У недавно скончавшагося И. Л. Щеглова (Леонтьева) было, по словамъ друзей покойнаго, нѣсколько вещей, которыя онъ считалъ принадлежавшими Пушкину. Это — „перо, сохранившее еще слѣды его зубовъ“, какъ говоритъ г. Измайловъ, рюмка, по словамъ г. Ясинскаго и дорожная фляжка, которую Пушкинъ „всегда клалъ съ собою въ сани“, какъ сообщаетъ г. В. Розоновъ. Добродушный И. Л. не сомнѣвался въ томъ, что всѣ эти вещи дѣйствительно принадлежали Пушкину. Фляжку подарилъ ему Л. Павлищевъ, какъ извѣстно сочинявшій даже письма Пушкина и великодушно отказывавшійся отъ своего авторства въ пользу великаго поэта. Такое происхожденіе „реликвій“ заставляетъ отнести ихъ къ области вещественной псевдо-пушкинианы.

А вотъ нѣчто изъ псевдо-пушкинианы невещественной. Г. Садовскій нашель въ Нижнемъ Новгородѣ рукопись со стихами подписанными именемъ Пушкина. Въ ней оказались: извѣстная сатира Рылѣва „Ахъ гдѣ тѣ острова“... съ присоединенными къ ней стихами Пушкина „А въ ненастные дни“... и стихотвореніе „Смуглянка“, которое будто бы „поражаетъ своею звучностью и красотою“. Въ „Рѣчи“ появилось разъясненіе Н. Лернера, что Пушкинъ здѣсь не причемъ. — „Рылѣвская сатира, говоритъ онъ, — это сразу бросается въ глаза, — не имѣетъ, кромѣ размѣра и чередованія стиховъ, ничего облагого съ шуткою Пушкина, и присоединеніе ихъ другъ къ другу производитъ весьма несуразное впечатлѣніе. Очевидно, ихъ соединили вмѣстѣ малоинтеллигентные и не вдумавшіеся собиратели запретныхъ плодовъ литературы, которыхъ на это натолкнула общность формы обѣихъ пьесъ. Пушкинъ зналъ сатиру Рылѣва („Мнѣ вепе тамъ, гдѣ растеть тринь-трава, братцы“, — цитируетъ онъ ее въ письмѣ къ брату въ началѣ 1824 г.) и просто воспользовался ея легкимъ, веселымъ размѣромъ для своей шутки. Такимъ образомъ, показаніе Кернъ оправдывается словами поэта, и шутка Пушкина — вполнѣ самостоятельное его произведеніе, а не Рылѣва и не „передѣлка конца стихотворенія Рылѣва“, какъ думаетъ П. О. Морозовъ (Сочин. П — на, изд. „Просвѣщенія“, VIII, 488). Именно это смѣшеніе двухъ невяжущихся между собою стихотвореній служитъ лучшимъ доказательствомъ неавторитетности приобрѣтенной г. Садовскимъ рукописи, а что касается до находящейся въ ней подписи поэта (владѣлецъ рукописи и не выдаетъ ее, замѣтимъ, за автографъ), то она поставлена, конечно, самимъ переписчикомъ, какъ имя предполагаемаго автора. Затрудняюсь судить о второмъ находящемся въ ней стихотвореніи, которое г. Садовскимъ не напечатано, но, въ виду явной неавторитетности источника, я склоненъ думать, что и оно принадлежитъ къ псевдо-пушкинскимъ. О своемъ „прятелѣ“, героѣ „Египетскихъ ночей“, т. е. о самомъ себѣ, Пушкинъ писалъ: „Главной неприятностью платится мой прятель — приписываніемъ ему множества чужихъ сочиненій“... Эти „неприятности“ тянутся длинной вереницей вотъ ужъ безъ малаго цѣлое столѣтіе.

Какъ слѣдовало ожидать, такъ оно и оказалось. Спустя нѣсколько дней въ той же газетѣ г. Садовскій долженъ былъ объявить, что злополучная рукопись „ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ перу А. С. Пушкина“.

Antiquitäten Zeitung въ своемъ Юльскомъ номерѣ помѣщаетъ довольно странное извѣстіе изъ Москвы о молодой дамѣ, предлагавшей на Сухаревомъ рынкѣ 2 оригинальныхъ портрета Пушкина, съ надписями: „рисовано съ натуры“ за 2 р. Не найдя тамъ покупателей и за эту цѣну, она по чьему то совѣту, отнесла ихъ въ Археологическій Институтъ (!?) гдѣ опредѣлена была ихъ подлинность и они были приобрѣтены кн. Тенишевой въ Смоленскѣ за 20.000 р.!?

За последнее время (летние месяцы) появились следующие — насколько нам удалось проследить — статьи о Пушкине. 1) Женские типы Пушкина. Е. Щепкиной. (Вѣстн. Европы 1911, № 6). 2) Нащокинскій домикъ. Александры Шипиловой. 3) О новомъ портретѣ Пушкина работы И. Е. Рѣпина. R. (Историч. Вѣстникъ 1911, № 7). 4) Изъ черновыхъ рукописей Пушкина. О 12 годѣ. Н. Лернера (Рѣчь 1911, № 159). 5) Сосѣди Пушкина по с. Михайловскому. — Д. Философова (Рѣчь 1911. № 142). 6) Неизд. статья Пушкина, Н. Лернера (Рѣчь 1911, № 208). 7) Пушкинъ и псевдо-Пушкинъ Н. Лернера (Рѣчь № 235).

Въ московскомъ „Русск. Словѣ“ (№ 181) напечатаны „открытыя“ г. Щеголевымъ въ черновыхъ рукописяхъ Румянцовскаго музея „новыя“ стихотворенія Пушкина, которыя, однако, отчасти были извѣстны прежнимъ изслѣдователямъ (напр. В. Е. Якушкину), отчасти игнорированы ими, и вполне справедливо такъ какъ (это видно изъ помѣщенныхъ въ произведеніи снимковъ) они не представляютъ собой ничего цѣльнаго и не поддаются сколько-нибудь удовлетворительной транскрипціи. Но была бы охота, и изъ хаотически исчерканныхъ и перечерканныхъ строкъ и словъ можно сложить ту или другую комбинацію. Однако, никто не повѣритъ, что Пушкинъ дѣйствительно писалъ деревянные вирши въ родѣ:

Не вымышляли съ такою силой
Такъ хитро сказокъ и стиховъ.

Къ тому же, транскрипція мѣстами совершенно не соотвѣтствуетъ подлиннику и обличаетъ плохого стихотворца не въ Пушкинѣ, конечно, а въ „открывателѣ“. Поэтому приводить ее здѣсь считаемъ лишнимъ. Л.

Н. О. Лернеромъ недавно открыта и опубликована въ выдержкахъ („Рѣчь“, № 208) анонимная статья Пушкина „Французская Академія“, появившаяся во II т. „Современника“ 1836 г. Отъ вниманія изслѣдователей она до сихъ поръ ускользала, несмотря на то, что уже Бѣлинскій подозрѣвалъ, что она принадлежитъ Пушкину. Установивъ авторство Пушкина, Н. Лернеръ справедливо заключаетъ, что на эту статью Пушкина „нужно смотрѣть не какъ на незначительное приобрѣтеніе, не какъ на простое матеріальное дополненіе къ собранному до сихъ поръ его творческому наслѣдію, а какъ на важный этапъ его писательскаго пути. Она служитъ показателемъ благотворнаго кризиса, совершавшагося въ его ранѣе сложившихся литературныхъ возрѣніяхъ, но безжалостно оборваннаго смертью и не дошедшаго до полнаго разрѣшенія, отъ котораго можно было бы ждать великихъ послѣдствій для литературы“.

Среди множества приписываемыхъ Пушкину стихотвореній большинство, конечно, составляютъ такія, принадлежность которыхъ перу Пушкина необходимо отвергнуть безъ колебаній. Но инныя заставляютъ призадуматься. Такова антологическая пѣса, на которую обратилъ недавно вниманіе Н. Лернеръ „Рѣчь“, № 201.

Nec temere, nec timide.

Въ утломъ челнѣ и беззвѣздную ночью, я, бурѣ навстрѣчу,
Въ море пускался; буря же къ пристани прямо меня принесла.
— Путникъ! Судьбы не испытывай: челны другихъ погибали.
Берегъ, на гордой триремѣ, оставилъ я въ полдень блестящей,
Тихому Эвру мой парусъ довѣря. — И что же? Погибъ я.
— Путникъ! Судьбы не страшись: многіе берега достигли.

Л. С. Пушкинъ, братъ поэта, сообщившій эти стихи Н. О. Щербинѣ и Б. М. Маркевичу, сказалъ: „никакъ не стану утверждать, что написано было это именно братомъ, а дѣйствительно на него похоже“... Щербина справедливо замѣтилъ здѣсь „пошибъ совсѣмъ Пушкинскій“. Б. М. Маркевичъ списалъ пѣсу съ подлинника, переписаннаго рукою П. В. Нащокина, лучшаго друга Пушкина. „Однажды въ Москвѣ“ — разсказалъ Левъ Сергѣевичъ — „я у него жилъ — вернулся я вечеромъ съ какого-то обѣда, на которомъ выпито было, какъ говорится, зѣло. Вхожу, вижу

сидять у него братъ, Соболевскій и Туманскій, читають что-то и смѣются. „Ну, ну, вотъ и прочитай Левушкѣ“, кричитъ братъ Нашокину. Тотъ и началъ вотъ это самое: „Въ утломъ челнѣ и безвъздной ночью“... Только конца я уже положи-тельно не слышалъ, расхотался Левъ Сергѣевичъ, сверкая изъ подъ усовъ сво-ими крупными бѣлыми зубами, — потому что ноги меня не держали; опустился я на диванъ и заснулъ, какъ убитый... Проснувшись на другой день, я и не вспомнилъ объ этихъ стихахъ, никто о нихъ не заводилъ и рѣчи, и, найдя ихъ теперь у се-бя, мнѣ стоило даже въ первую минуту труда припомнить, что это такое, гдѣ что-то подобное я слышалъ“...

Кто-то вошелъ въ эту минуту съ визитомъ къ Льву Сергѣевичу, и разговоръ нашъ оборвался.

Препровождая къ вамъ — обращается къ извѣстному библиографу князю Н. Н. Голицыну Маркевичъ — и стихи (я ихъ тогда же списалъ), и мой разсказъ къ нимъ, представляю вамъ рѣшить вопросъ: въ какой мѣрѣ вы почитаете въ возмож-нымъ приписать ихъ А. С. Пушкину, и не мистифицировалъ ли насъ съ Щерби-ною Левъ Сергѣевичъ (онъ отъ этого былъ не прочь), прочитавъ намъ собствен-ную свою поддѣлку подъ „пошибъ“ гениальнаго брата?

Голицынъ уклонился отъ всякаго отвѣта на вопросъ. Пробовалъ заняться имъ Л. Н. Майковъ и писалъ: „черезчуръ литературный (?) характеръ этого разсказа побуждаетъ отнестись къ нѣкоторымъ его частностямъ съ осторожностью, но въ общемъ онъ, кажется, заслуживаетъ довѣрія. Прежде всего замѣтимъ, что оба брата Пушкины дѣйствительно находились въ Москвѣ, мѣстѣ постоянного пре-быванія Соболевскаго и Нашокина, лѣтомъ 1830 года... Далѣе для приведеннаго выше антологическаго стихотворенія у А. Пушкина могутъ быть указаны параллели въ подражаніи Мосху „Земля и море“ (1821 г.) и въ заимствованіяхъ изъ греческой антологіи (1833 г.)“. Дальше этихъ осторожныхъ замѣчаній Майковъ не пошелъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, — замѣчаетъ Н. Лернеръ, — ни вѣрность разсказа Маркевича и передачи имъ стиховъ, которые онъ „тогда же списалъ“, ни справед-ливость безхитростнаго разсказа Л. С. Пушкина который не рѣшился категори-чески приписать ихъ брату. Вопреки мнѣнію Маркевича, намъ неизвѣстна ни одна мистификація Льва Сергѣевича. Въ стихахъ, какъ вѣрно замѣтилъ Щербина, дѣй-ствительно виденъ „пошибъ совсѣмъ Пушкинскій“, и такихъ стиховъ не могли на-писать ни самъ Левъ Сергѣевичъ, ни Соболевскій, этотъ „русскій Марціалъ“, съ языка и съ пера котораго сходили только юмористическіе стихи и ядовитыя эпи-граммы, ни Нашокинъ, никогда ничего не писавшій, ни посредственный поэтъ Ту-манскій, которому далеко до такихъ стиховъ.

Къ этимъ соображеніямъ не мѣшаетъ прибавить также чрезвычайное соот-вѣтствіе пьесы по духу обычному, бодрому и здоровому міроотношенію Пушкина.

Г-жа А. Шипилова сдѣлала попытку (въ „Историч. Вѣстн.“) объявить грубой поддѣлкой показываемый теперь публикѣ „домикъ Нашокина“. Дѣйствительно, въ ея замѣчаніяхъ много справедливаго, и она вѣрно указываетъ на несоотвѣтствіе однихъ деталей и вещей, грубыхъ и топорныхъ, другимъ, артистически изящнымъ, но къ сожалѣнію весьма малочисленнымъ. Отчасти Г-жа Шипилова права, домикъ, который цѣлому ряду владѣльцевъ до сихъ поръ, не смотря на всевозможныя хлопоты, никакъ не удалось сбыть всевыносящей казнѣ, не поддѣланъ, а подвергся столь неумной, безвкусной и грошевой реставраціи, что первоначальное изящество и роскошь этой великолѣпной игрушки безвозвратно утрачены и лишь нѣсколько уцѣлѣвшихъ отъ небрежнаго храненія и злостнаго расхищенія вещицъ, да воспо-минанія современниковъ Пушкина и Нашокина позволяютъ догадываться, какъ хо-рошо была выполнена эта прихоть богатаго барина. Но и въ нынѣшнемъ полураз-зоренномъ полуиспорченномъ видѣ многострадальная модель остается интереснымъ бытовымъ памятникомъ пушкинской эпохи, хотя къ такимъ деталямъ, какъ пор-ретъ Пушкина, который „показыватель“ домика наивно демонстрировалъ честной публикѣ на устроенной въ Академіи Наукъ специальной выставкѣ, слѣдуетъ отно-ситься болѣе чѣмъ скептически.

„Сосѣди Пушкина по селу Михайловскому“ обрисованы недавно г. Д. Филосо-фовымъ въ озаглавленномъ такъ фельетонѣ: („Рѣчь № 142“). Благодаря тому, что семья Филосовыхъ въ родствѣ чуть не со всѣми псковскими помѣщичьими семь-ями, авторъ съ дѣтства слышалъ кое какіе разсказы о сосѣдяхъ Пушкина. Одинъ

изъ нихъ И. М. Рокотовъ, былъ родной братъ бабки автора. Это тотъ самый Рокотовъ, который по словамъ официальной бумаги бывъ назначенъ „для наблюдения за поступками и поведѣніемъ“ ссыльнаго Пушкина, „отказался отъ порученія на него возложеннаго“. Жилъ Рокотовъ не очень далеко отъ Пушкина въ своемъ селѣ Маютино. Въ молодости онъ служилъ по дипломатической части и ему разъ удалось даже съѣздить въ Дрезденъ дипломатическимъ курьеромъ. Съ тѣхъ поръ всѣ его рассказы начинались словами: *Lors de mon voyage à Dresde*.

„Подвижной, болтливый Рокотовъ, конечно, посѣщалъ Пушкина не потому, что онъ цѣнилъ его, какъ поэта, — его стиховъ онъ, вѣроятно, и не читалъ, — а потому, что Пушкинъ былъ сынъ „уважаемыхъ“ Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны.

Для того, чтобы михайловскаго узника развлечь, Рокотовъ возилъ его по со-сѣдямъ. Такъ, мнѣ, со словъ отца, достоверно извѣстно, что И. М. Рокотовъ привозилъ Пушкина къ своей сестрѣ, Маріи Матвѣевнѣ Философовой, въ село Богдановское, новоржевскаго уѣзда. Отецъ рассказывалъ, что, будучи совсѣмъ маленькимъ, онъ наизусть читалъ Пушкину, пріѣхавшему въ гости къ его родителямъ, первую пѣснь „Онѣгина“ и будто бы Пушкинъ очень удивился памяти мальчика. Марія Матвѣевна недолюбливала Пушкина. Она знала его только какъ кутилу и игрока. А такъ какъ мужъ ея Д. И. Философовъ былъ самъ большой игрокъ, то естественно, что, по простотѣ сердечной, она боялась вреднаго вліянія Пушкина на Дмитрія Николаевича. Мужъ ей былъ, конечно, ближе, нежели опальный поэтъ“.

У Рокотова много было причудъ. Такъ, извѣстенъ про него слѣдующій рассказъ. Засыпая, онъ дѣлалъ наставленіе своему лакею, чтобы тотъ его будилъ каждые два часа. Когда Рокотова спрашивали, къ чему онъ это дѣлаетъ, отъ отвѣчалъ. „Ужъ очень пріятно опять заснуть“.

Гораздо менѣе типиченъ для этой среды другой псковскій сосѣдъ Пушкина, поэтъ А. Н. Креницынъ, другъ Баратынскаго „Разсказанныя мною мелочи псковской старины“ — признаетъ самъ авторъ — „показываютъ, насколько случайна была связь Пушкина съ дворянствомъ псковской губерніи. Скромная природа Михайловскаго и няня Арина Родионовна дали Пушкину въ тысячу разъ больше, чѣмъ всѣ псковскіе дворяне вмѣстѣ взятые. Все таки онъ долженъ былъ, волей неволей, встрѣчаться съ разными Харликовыми и Фляновыми, съ гостями „Лариныхъ“, и, конечно, житейскія отношенія онъ поддерживалъ со многими изъ нихъ“.

№ 5. Сентябрь 1911 г.

РУССКІЙ БИБЛІОФІЛЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ВѢСТНИКЪ

для

СОБИРАТЕЛЕЙ КНИГЪ И ГРАВЮРЪ.

ВЫХОДИТЬ 8 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

LE BIBLIOPHILE RUSSE

REVUE ILLUSTRÉE

DES AMATEURS DE LIVRES ET DE GRAVURES.

PARAÎT 8 FOIS PAR AN.

St. Pétersbourg.